

Куранты, - 1997. - 19-26 февр. - с. 27

КИНОМАН ГУСМАН

— Юлий Соломонович, думаю, на вопрос, кто такой Гусман, многие ответят: знаменитый кавээнщик. Не обидно?

— Напротив, очень приятно. Я много чего сделал полезного в жизни, надеюсь. Был неплохим психиатром. Снял несколько фильмов, поставил довольно много спектаклей, телепередач. Уже десять лет директор Дома кино, и тоже, по-моему, неплохо. Но если считается, что все наши литераторы вышли из "Шинели" Гоголя, то я — целиком из КВН, там мои корни. И даже когда КВН был в опале, подвергался остракизму и гонениям, гордо говорил: я кавээнщик. Никогда не отрекался от этого, как и от города, в котором родился, нации, к которой принадлежу, семьи и друзей, которых бесконечно уважаю. Мне кажется, КВН современниками недооценен. К нему относятся как к удачной или неудачной телевизионной программе и почти никто не говорит о нем как об уникальном явлении общественной жизни. Для меня самое ценное в КВН — не только неповторимая атмосфера, напряжение юмора, радость встреч друзей, удивительное ощущение сопричастности к празднику. КВН — это прежде всего клуб единомышленников, людей, одинаково воспринимающих мир. Их отличают остроумие, парадоксальность взгляда на жизнь, способность ценить пиршество человеческого общения — самого дорогого блюда на земном столе. Кавээнщик кавээнщика чувствует за версту, у каждого из нас эта общность запечатлена на лбу как "мене, телекел, фарес". И совсем не обязательно при этом быть хохмачом, говоруном, вечным весельчаком. Я и сам в компании чаще мрачно сижу и дремлю, склонив голову.

— Как сами оказались в КВН?

— Все очень просто. В шестьдесят третьем году, по-моему, Баку впервые принял сигнал московского телевидения. А в шестьдесят пятом мы создали Бакинский клуб веселых и находчивых. Я тогда работал инструктором в отделе ЦК комсомола, занимался студенческой молодежью и организовывал игры КВН. Потом была создана сборная команда "Парни из Баку", встал вопрос о капитане, и, поскольку я еще и вел КВНы, выбрали меня. Фактически я оказался еще и директором: собирал, вывозил и привозил игроков и болельщиков, заботился о помещении для выступлений, декорациях, костюмах — тогда никаких спонсоров не было! И еще сам ставил программы, писал тексты вместе с ребятами, учился у более опытных Алика Аксельрода и Марика Розовского. Первый же сезон команды стал успешным, а в семидесятых мы выиграли кубок чемпионов. И вообще ни разу не проиграли! В те годы КВН каждый месяц шел по три часа в "живом" эфире, других телеувлечений, кроме "Голубого огонька", не было. Тогда я и узнал, как можно проснуться знаменитым. В Москве нас поселили в гостинице "Спутник" на Ленинском проспекте, где была главная база. Накануне мы выиграли у Воронежа, утром выхожу из номера, дежурная: "Ой, смотрите, Гусман!" И я дал первый в жизни автограф. В ту пору я познакомился с Игорем Квашой, Володей Высоцким, Галей Волчек, Борей Мессерером, Женей Евтушенко и многими другими, так что статус капитана КВН Баку определил всю мою дальнейшую московскую жизнь.

— Во время игры случалось попадать в пиковую ситуацию?

— Понятно, что сочинить хоро-

Режиссер, снявший семь фильмов, поставивший немало спектаклей у нас в стране и за рубежом. Ведущий телепрограммы "Тема".

Политик, два года проработавший в Госдуме.

Директор Московского дома кино...

шую ре-призу за тридцать секунд, когда на тебя смотрит десяток камер и ты трясе-шься от страха и ответственности перед страной, практически невозможно. Поэтому сочинялись заготовки — мы их звали резиной — и главным было выйти на нужную. Раз у меня был конкурс капитанов с Андреем Меньшиковым, который сейчас занимается на ТВ детскими программами, а тогда представлял МИСИ. Мы должны были вообразить себя капитанами корабля, который тонет, и обнародовать свои действия. Я прямо на сцене сочинил такую шуточку: "Родной корабль уходит на дно вместе с лодчманом, лодом и лагом, а рядом тонет еще одно — под гордым Андреевским флагом. Ты пишешь диплом, имеешь детей и тьму кавээнских заслуг. Позволь тебе уступит, Андрей, место в шлюпке и круг". Потом сделал паузу и добавил написанное заранее: "А мне не страшна никакая беда, с меня, как с Гусмана, вода". Эта реприза стала расхожей шуткой.

КВН всегда предвещивала чудовищная по объему подготовительная работа, мы месяца по полтора почти не спали, тренировались. Но во время игры случались и удачные импровизации. В том же КВН, о котором только что рассказал, нам с Андреем предложили поговорить, "как капитан с капитаном". Андрей вынул два носовых платка и стал мне "семафорить". Я ничего не понял. Самое обидное, в программу подготовки изучение семафорной азбуки входило, а я на нее махнул рукой, думал — пронесет. Оставалось только заплакать и убежать, но, к счастью, вовремя сообразил, что Андрюшкины сигналы не понимает никто в зале. И решил выиграть нокдаун — с улыбкой отстучал ответ... азбукой Морзе. Конечно, на самом деле я ее и не знал вовсе, просто симитировал. Ну, зал захохотал, жюри просто с кресел попадало. Хотя Андрею, наверное, было обидно: он-то считал по-настоящему!

— С какими актерскими затратами вам сразу надо было в театральный институт поступать. Почему предпочли медицинский?

— Мой папа был одним из самых известных врачей в Закавказье. Профессор Соломон Моисеевич Гусман, гигант под два метра ростом, замечательный человек, умница. Он писал стихи, был знаком с Маяковским и при этом заведовал кафедрой в

Институте усовершенствования врачей имени Алиева. Мама тоже была профессором, доктором наук, занимала должность проректора, но в Институте иностранных языков. Папа в нее влюбился, еще когда она была актрисой, заставил выучиться на переводчицу, поэтому я английский знаю с детства. Сейчас родители уже нет в живых, но это были потрясающие люди, я лишь их жалкое подобие. У меня есть младший брат Миша, он стал международником, сейчас находится в Вашингтоне с гигантской выставкой. Ну а я как старший сын должен был пойти по стопам отца.

Атмосфера в семье отличалась некоторой строгостью, нас не баловали, и первый пиджак, к примеру, у меня появился в восемнадцать лет — и то переложивший из папиного костюма. У нас никогда не было ни машины, ни дачи, хотя родители по тем временам прилично. Зато у нас за огромным столом собиралась вся "цвет" города: ели, шутили... Нашу семью в Азербайджане хорошо знали — Гусманы переехали сюда во второй половине XIX века. У прапрапрадеда Евсея Гусмана, члена Дворянского собрания, было одиннадцать детей — девять мальчиков и две девочки, так что все Гусманы у нас в стране и за рубежом, можно сказать, члены одного клана. Среди них есть и главный дирижер Горьковской филармонии, и академик-нефтяник, и известный строитель, так что я своей семьей горжусь. Надеюсь, что и сам добавил "камешков" в общее строительство, хотя не могу сказать, что всегда был таким уж примерным.

Вообще, Баку моего детства — это отдельный роман: фантастически интернациональный и по-настоящему добрый город. Там я окончил школу, потом медицинский институт, написал диссертацию "Клиника психологической корреляции при церебральном атеросклерозе", пришел к папе и сказал: "Папа, смотри — я сделал все, что должен был сделать, а теперь, пожалуйста, отпусти меня на Высшие курсы режиссеров". Потому что

мои друзья Максуд и Рустам Ибрагимбековы организовали там мастерскую и определили меня туда за кавээнские заслуги. Курсы я закончил, снял семь картин, в том числе и "Не бойся, я с тобой" с Поладом Бюль-Бюль-оглы, Дуровым и Кантемиром, который видела вся страна, был худруком в Театре музыкальной комедии и Театре песни Рашида Бейбутова, очень много ставил спектаклей в СССР и за рубежом.

— И где же сейчас режиссер Гусман?

— Работая над сценарием, думаю "запускаться". Но не хочется, честно говоря, снимать только для Дома кино. А ниша, которую я нашел и занимаю сейчас, мне кажется очень интересной. Безумно много работаю, даже в субботу и воскресенье сижу до глубокой ночи — и этим счастлив. И отдых-то предпочитаю действенный: плавать по три часа в море или в теннис играть до упаду. Так вот, для меня как для режиссера и кино, и театр, и телевидение, и Дом кино — одно и то же. Но кино сейчас нищенствует. Как и Элем Климов, Андрей Смирнов, Сергей Соловьев, я — дитя V съезда кинематографистов, и, не будь его, меня бы директором Дома кино не назначили никогда. Но затеянная тогда перестройка оказалась не продуманной до конца, потому что разрушать мы все умеем хорошо, а вот создаем плохо. От диктата прежних начальников мы избавились, а новую модель кинематографа так и не соорудили. Понимаю, время сейчас сложное, не зря китайцы говорили: упаси Бог жить в эпоху перемен. И все равно остаюсь абсолютным социальным оптимистом. Я убежден, что наша страна и наш народ — самые замечательные, кухня — самая вкусная, женщины — самые красивые. И что все мы неразрывно связаны друг с другом.

На телевидении делаю сейчас программу "Тема". И успел послушать упреков в легковесности. А мне просто надоело чернуху, мокруху, злобное твяканье из-за угла. Вроде бы уже и сол-

нце не восходит, и цветы не цветут, и земляника с лугов исчезла, и прекрасные вещи в магазинах не появились. Да, есть и криминал, и бедность, и много чего ужасного кругом. Но нельзя на этом заикливаться. Мой отец в войну был главврачом Каспийской флотилии, всякое повидал. Но, когда он зимой сорок первого года приехал в Москву, больше всего был потрясен тем, что в городе светились огни, работали театры. Для него это означало — Москва жива. А сейчас многие только и делают, что посыпают головы пеплом и говорят про расчлененные трупы, будто мы какая-то нация истериков. По мне, в той же "Теме" куда полезнее показать не очередной труп, а, скажем, пожарных, которые совершают героические подвиги и рискуют жизнью. И все же не озабочены поголовно тем, как украсть вещи из квартиры. Как психиатр говорю: видеть жизнь только в черных

красках — признак социальной невзращенности.

— Как с подобными взглядами столько времени в Госдуме продержались?

— Это были два самых тягостных года моей жизни. Потому что никогда раньше не видел столько неприятия людей вместе. Мне кажется, политика, как велик, взбила нашу жизнь и вся "пена" осела в думе. Мне приходилось там наблюдать откровенный кошмар, в том числе и антисемитский. Но, знаешь, я привык ощущать себя воином. Рыцарем, но не в романтическом смысле, а человеком, который утром встает, надевает забрало, шлем, кольчугу, берет копье и едет на ежедневный турнир. В моей жизни хватает проблем. Дом кино уже пять лет не получает никакого финансирования, хожу с протянутой рукой, выпрашиваю с Витей Мережкой, председателем правления нашего Дома — кстати, это он меня и "пробил" на директора, — деньги, где можем. Все гордятся Домом кино, говорят "да-да", но никто из власти имущих так и не дал ни копейки. Мы "Никит" уже десять лет проводим только на частные пожертвования спонсоров. Спасибо, сейчас компания "Русское золото" помогает, но я не перестаю с ужасом думать, надолго ли их хватит.

Поверь, лично мне помощь не нужна: я как режиссер, консультант, советник и специалист легко прокормлю не только себя, но и близких. Вот только что вернулся из Америки, где у меня в Нью-Йорке курс и в Майами, читаю студентам лекции о кино и театре. Но Дом кино, Союз кинематографистов нуждаются в немедленной помощи. Нужно, чтобы заработал, наконец, закон о кино, который пока усиленно тормозится на всех "этажах" власти! И на глазах погибает одна из лучших киноиндустрий мира. О нас вспоминают только перед выборами, когда нужно петь и плясать в поддержку очередного кандидата. Когда была избирательная кампания Ельцина, мне говорили: "Юль, вот сейчас напиши истерический факс "туда" — и все дадут". Но не могу я

шантажировать президента и бороться за демократию, вырывая кусок. А закончилась кампания — и опять никому ничего не нужно.

— И все-таки Дом кино жив, хоть вечерами зал и не полон до краев, как раньше. Это не смущает?

— Странно обижаться на время. Раньше творческие дома были единственной резервацией интеллигенции, которая здесь паслась, сейчас не то. Но мы гордимся тем, что Дом кино не стал коммерческим, что за десять лет в нем не появилось ни одной посторонней структуры, ни одного киоска. Мы с Витей Мережкой поклялись, что сохраним его как храм, а менял не пустим. Не потому, что в принципе против ночных клубов или казино, просто, стоит их открыть, как наутро придут крутые ребята и начнется война.

И потом, когда хороший фильм или когда "Ника" — в зале ни одного свободного места, люди за два месяца записываются. А сейчас благодаря "Русскому золоту" мы вместе с Лужковым и городом открыли Дом кино для всех москвичей. Несколько лет назад впервые провели благотворительный фестиваль. И когда заглянули в зал, заплакали: там сидели и хлопали в ладоши бабушки и дедушки, которые впервые попали в Дом кино, всю жизнь прожив в Москве. За билетами на фестиваль пришло двадцать шесть тысяч человек, очередь стояла до Белорусского вокзала. С этих пор проводим благотворительный фестиваль два раза в год, а сейчас сделали его ежемесячным, в Новый год елки для сирот устраиваем. И делаем это не для помпы, не для позы — просто считаем это своим долгом. Хотя кто-то наверняка скажет: конечно, сам сытый сидит в Доме кино, рыбку отстил, деньги украл — и говорит про благотворительность.

— А каково на самом деле благосостояние Юлия Гусмана?

— Когда-то директор Дома актера Маргарита Александровна Эскина сказала гениальную фразу: "За право на такую работу самим платить надо!" Я с ней абсолютно согласен. У меня есть служебная машина, есть свои "Жигули", которые, правда, вожу не я, а шурин. Есть трехкомнатная квартира и комната в дачном поселке — не потому, что дачу не могу построить, а потому, что ухаживать за ней времени нет. Да и выбираться туда — тоже в дачной комнате у меня теща живет.

— Как с личной жизнью?

— Страшно не люблю разговоров о личной жизни. Оберегаю ее от чужих глаз. Есть жена Валя — переводчик, мы женаты двадцать лет. У нас дочка Лолла. Я ее очень люблю: девочка золотая. Учится в Нью-Йорке, хочет стать адвокатом, специалистом по экологии окружающей среды.

— Каков Юлий Гусман наедине с близкими людьми?

— Бываю уставшим, злым, но стараюсь не вешать это на других. Хочу, чтобы даже рабочие летучки проходили, как некие микрощу, правда, получается не всегда. Не люблю, когда меня подводят, когда мне врут, не выношу предательства. Это три вещи, которые не прощаю. А все остальное по армейскому принципу: не можешь — научим, не хочешь — заставим. Я очень жесткий управленец, а вовсе не добрая размазня. Но стараюсь, чтобы окружающим со мной работалось хорошо. Иногда срываюсь и сам на себя за это зол. Правда, очень отходчив. А лучшее, что я могу делать, — создать структуру, атмосферу, команду. Хотя знаю, что быть лидером — крайне тяжелая и неблагодарная задача. И хотя у меня вид толстокожего бегемота, я обидчив и легко раним.

— Ваш жизненный принцип?

— Верить в светлое будущее. Работать в настоящем, как бы ни было тяжело. Дружить, любить добро. Словом, как любят говорить американцы, быть позитивным. Но это совсем не значит быть идиотом.

Беседу вела
Татьяна ИСКАНЦЕВА.
Фото Андрея СТРУНИНА.

Гусман Юлий Соломонович 19-25.02.97